

Игорь Муравлёв

Шахматы
Сатаны

Часть первая
Илль - тада

Игорь Муравлёв
Шахматы Сатаны.
Часть первая. Илль-тада

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10941974

Аннотация

Гражданская война в одной из среднеазиатских республик глазами русского офицера правительственных войск.

Мир зазеркалья, где ваххабиты и офицеры МВД обеспечивают наркотрафик, где спецоперации проводятся для ликвидации их участников, где выживает самый жестокий.

Содержание

1	4
2	9
3	21
4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Игорь Муравлёв

Шахматы Сатаны.

Часть первая. Илль-тада

1

...Вечером была связь со штабом бригады, расположенным в Бешанде. Какой-то штабной деятель, коверкая русскую речь, предупредил меня, что в пять утра будут два «борта».

Было это крайне своевременно, поскольку подпитывать растущие организмы уже было нечем и мои бойцы стали обносить стада и огороды соседнего кишлака. Делалось всё с моего молчаливого согласия, но всему есть предел, и общение со стариками, жалующимися на «детей шайтана», стало уже порядком надоедать.

Утром 18 мая 19... года, расставив вышеупомянутых «детей» на господствующих высотах, я стал ждать прибытия гостей. Примерно без десяти пять в «курятник», так называемый штаб разведбата, который располагался в помещении бывшей птицефермы, прибежал солдат и доложил, что к нам «катит мусорской БТР».

Не став учить его литературному русскому языку, я вы-

шел встречать капитана Гасанова, командира роты спецназа МВД, моего «союзника». Сотрудничество наше было, прямо скажем, никакое, поскольку его подчинённые были смелы, в основном, только с дехканами, у которых отнимали всё, что им понравится. За что, кстати, неоднократно были биты моими солдатами, руководствующимися как моими негласными указаниями, так и своей доброй волей.

Но соратник всё равно оставался соратником, особенно в преддверии совместной операции, поэтому нужно было быть, по возможности, конечно, вежливым.

Не скажу, чтобы мне это легко давалось!

Гасанов лихо спрыгнул с «брони», поправил висящий на плече АКСУ и с натянутой улыбкой подошёл ко мне.

– Ассалом алейкум, Шурави. – Запах перегара и потного камуфляжа был непередаваемо мерзок. – Как думаешь встречать начальство?

– Валеюкум ассалом, Гасан-бой. Я не думаю, я просто встречаю.

Похмельного Гасанова передёрнуло. Ну ещё бы, какой-то идиот сказал ему, что «крутые» спецназовцы (каковым он себя считал) называют друг друга только по кличкам; но кто в здравом уме будет называть этого алкаша «Пантерой». Позывной нужно заслужить, как медаль, а не присвоить по пьяной лавочке. Плюс ко всему приставка «бой» совершенно расстроила бравого капитана.

– Обижаешь соседей, товарищ майор, не уважаешь, – про-

говорил он, вытирая пот рукавом камуфляжа. – Стол накрыть надо, посидеть...

– Сидеть будем в Бешанде, Гасан-бой. – Я выдержал паузу...

– Если улетим отсюда, – закончил я, сжимая его вялую руку. Не знаю, может быть, мне показалось, но в глазах Гасанова промелькнула тень плохо скрываемого страха.

(Я не придал тогда этому значения... А если бы даже и придал, что бы изменилось? Наверное, ничего, хотя кто знает.)

Я посмотрел на часы. Шесть утра. Ладно, минут пять-десять ещё имеем.

– Что-то ты, друг мой, плохо выглядишь. Может, позавтракаем?

Гасан поморщился. Ясное дело, если в прохладное майское утро тело прошибает пот, думаешь совсем о другом. Я дружески похлопал его по плечу.

– Пошли, сто грамм не помешают.

От этих слов он сразу расцвёл и бодро, чуть ли не бегом, направился в мой «курятник».

Там я быстренько достал две кружки, банку томатного сока и кусок жареной баранины.

– За удачу! Она вещь полезная и нам нужная. – Мы с лязгом сдвинули посуду и выпили.

В этот момент распахнулась дверь и в проём с трудом протиснулась гора в камуфляже.

– Здорово, Семёныч! – радостно сказал я. – Присаживайся, отец родной.

– Привет, командир, – пробасила гора, аккуратно поставив в угол автомат и сняв «разгрузку», – Гасан-бой спирт хлещет, смотрю я. Причём с утра... Настоящий мусульманин, молодец! Ну, раз такое дело, и мне, старику, плесните, что ли...

(Семёныча, он же Дед, дядя Миша, акаи Мансур, любил в батальоне все. Старший прапорщик Лотов Михаил Семёнович, командир разведвзвода, был человек с приставкой «очень»: очень большой, очень сильный и очень добрый. В это утро он вернулся из разведки раньше обычного. Я ждал его с ребятами только к вечеру.)

– Да ладно тебе, Гасан-бой, – прогудел Семёныч, хлопнув Гасанова по плечу своей медвежьей лапой и с аппетитом закусывая. – Не обижайся. В такой дыре, если не пить, дураком можно стать...

– Товарищ майор, «вертушки»... – раздался из-за двери голос дневального.

Услышав это, Гасанов быстро поблагодарил меня и выскочил из «курытника».

– Подожди, Ваня, успеем, – заметив, что я тоже встаю, сказал Семёныч, – в горах какой-то непонятный шухер, «духи» суету наводят.

– В смысле суету?

– Да в двух словах и не скажешь... Кстати, кого к нам

несёт?

– Без понятия, Семёныч, – я нацепил на плечо свой АК-74. – Ты вот что... Пока никому ничего не рассказывай. «Балласт» улетит – поговорим.

– Замётано, командир.

2

...С обоих «бортов» мы получили долгожданный «сухпай» (кишлак может жить спокойно), боекомплекты и десять «срочников»; худых, ушастых и перепуганных. Остальное был «балласт» – руководство, наше и МВД.

«Ментов» я не знал никого, но на помощь мне пришёл всезнающий Семёныч.

– Ты смотри, ментовской замминистра... Этого не знаю... Это Эмом Тиллоев, шеф нашего алкоголика, хороший мужик, встречался я с ним... Да-а, многовато что-то «мусоров».

...Что многовато, это точно. Наше руководство представляли всего двое – полковник Рахимов и подполковник Мансуров. Довольно-таки странная парочка, замполит и начальник разведки; я бы сказал, несовместимая.

– Товарищ полковник, личный состав второй роты разведывательного батальона первой бригады ВДВ занимается боевой подготовкой. Командир батальона майор Караев, – щёлкнув кроссовками, доложил я Рахимову. Ну любит Анвар Юсупович доклады по всей форме, так почему бы не сделать человеку приятное!

(Рахимов всегда напоминал мне статуэтку Будды. Его полное добродушное лицо вносило успокоение и какое-то ощущение стабильности в наши полные идиотизма будни.)

– Ну, здравствуй, Иван, здравствуй, – сказал Рахимов с довольным видом. – Молодец, молодец... Познакомься с товарищами из МВД, вместе одно дело делаем...

– Генерал-майор Сафаров, заместитель министра внутренних дел, – перебил его тип с надменным выражением лица, – а это мои помощники, – небрежно махнул он рукой в сторону своих коллег. – У меня мало времени, поэтому давайте побыстрее обсудим план операции.

С этими словами товарищ Сафаров направился в сторону нашей казармы (тоже одно из зданий бывшей птицефермы).

– Вы хотите обсудить этот вопрос с личным составом, товарищ генерал-майор? – бросил я ему в спину. – Там размещены рядовые и сержанты. Штаб в другой стороне, если вам туда...

Согласен, меня иногда заносит. Причём частенько. Ничего не могу с собой поделать – с детства не люблю хамства и бескультурья. В общем, от Степаныча я получил толчок в бок, а Сафаров «одарил» взглядом, в котором читалось желание немедленно предать меня ста видам мучительной смерти.

Однако, несмотря на эту маленькую заминку, обсуждение прошло в деловой обстановке. Руководство озвучило уже известную мне боевую задачу, напомнив в который раз о необходимости, ответственности, слаженности и т. д. и т. п.

(Выдержки из боевого распоряжения:

«Силами второй роты разведывательного батальона пер-

вой бригады ВДВ и третьей роты полка специального назначения МВД осуществить ликвидацию оппозиционного вооружённого формирования в районе кишлаков Сардачор и Сангимар...

...Провести мероприятия санационного характера в кишлаках Сардачор и Сангимар...

...По данным разведки, в помещении мечети кишлака Сардачор находится склад вооружения и пропагандистской литературы ваххабитской направленности. Командованию подразделений, задействованных в мероприятиях, принять все меры для обнаружения и ликвидации склада...

...Руководство операцией осуществляет майор Караев И.Г....»)

По сути дела это была обычная боевая операция, каких на моей памяти наберётся с десятков, если не больше. Единственное, что меня слегка обескураживало, – ненормально большое количество «ментов» с замминистра во главе.

За время службы в жатанской армии я научился обращать внимание на различные нюансы, возможно, именно поэтому и список потерь в батальоне был минимальный, да и я был до сих пор живой и бодрый.

Любое расхождение с какой-либо отработанной процедурой было поводом для размышлений. На Востоке, где доминирует клановое самосознание и где сразу не разберёшься, кто чей родственник, лучше лишний раз перестраховаться. Тем более, что были случаи утечки информации и винов-

ные до сих пор не найдены, хотя круг подозреваемых весьма ограничен. И именно ограниченность количества «стукачей», входящих в высшие эшелоны МВД и Министерства обороны, создавала массу проблем оперативникам жатанской контрразведки и Министерства безопасности. Казалось бы, всё должно быть иначе, но ещё товарищ Сухов говорил, что Восток – дело тонкое. Только он забыл прибавить, не только тонкое, но и очень грязное...

Тонкое в плане непредсказуемости поступков и поведения, грязное – в полнейшей неразборчивости в средствах достижения цели. Поэтому и боевые действия отличались особой жестокостью, как с одной, так и с другой стороны.

А лично для себя я раз и навсегда решил творчески относиться к выполнению приказов, спущенных из Бешанды, и остерегаться своих союзничков, всегда готовых во имя своих интересов продать тебя подороже. Особенно это касалось подразделений МВД, с которыми мы взаимодействовали чаще всего.

На первый взгляд ничего криминального в действиях «ментов» не было. Ну, подумаешь, перепутан сектор обстрела, опоздали с прибытием на место; с кем не бывает, война ведь... Но когда подобные случайности происходят всё чаще и чаще, в них начинает просматриваться система. Война – занятие дорогостоящее и требующее постоянной финансовой подпитки, а где взять деньги в стране с полуразрушенной экономикой? А ведь ещё и о себе нужно подумать, жить-то

хочется. И не просто жить, а хорошо, ни в чём себе не отказывая. Что делать, «как снискать хлеб насущный»? Выход из этой сложнейшей ситуации был найден незамедлительно – героин, который в промышленных масштабах производило сопредельное государство. Но местные ваххабиты уже контролируют трафик. Как быть? Вопрос чисто риторический – войти с ними в долю, деньги все любят.

«Духи», надо думать, не сразу осмыслили всю выгоду от подобного сотрудничества, но со временем всё утряслось и вчерашние непримиримые враги превратились в деловых партнёров, больше озабоченных процветанием своего бизнеса, нежели эфемерными политическими идеями. Поэтому, когда действия правительственных войск начинали мешать нормальному ходу дел, и возникали всяческие неувязки и ошибки при проведении боевых операций...

– Вам всё понятно, майор, по мероприятию? – спросил меня Сафаров, подходя к вертолёту. Честно говоря, подобного вопроса я ожидал от своего непосредственного начальства, хранившего гробовое молчание. Ну да ладно...

– Абсолютно всё, никаких вопросов!

– И ещё, майор, говорю специально для вас, никакой самодетельности, – практически прошипел он, резко повернувшись в мою сторону. – Вы должны выполнять приказы! Просто выполнять, ясно или нет?! За тебя уже всё продумано, твоё дело воевать, а не думать! Ты понял?

С замминистра внутренних дел нужно разговаривать веж-

ливо и взвешенно, но мне многие говорили, что я дурак, а репутации надо соответствовать. Особенно разозлил, сам не знаю почему, резкий переход с «вы» на «ты».

– Кто же это за меня всё продумал? – процедил я, выплюнув «бычок». – Люди, которые здесь никогда не бывали? Или лично ты за меня всё продумал? (Я физически почувствовал, как превращается в камень генеральская свита.) Мне последнее время кажется, что все операции МВД планируются совместно с «духами», так они тоже за меня всё продумали, а?! Со своими подчинёнными разбирайся лучше, а мы тут сами!..

– Караев! Ты совсем о...л тут! – вышел из прострации полковник Рахимов. – Что себе позволяешь, э? Быстро извинись!

– Да-а, полковник, умеют ваши подчинённые разговаривать с руководством, ничего не скажешь. А с ВАМИ, майор, мы продолжим разговор после операции, в Бешанде! – быстро взяв себя в руки (всё-таки номенклатурная выдержка!), завершил нашу содержательную беседу Сафаров.

– И ещё, майор, – прокричал он из открытой рампы МИ-8, – лично предоставите мне рапорт о проведённых мероприятиях. Лично! Вы поняли, Караев?

Я не стал пытаться переорать шум винтов и просто кивнул.

– И я с тобой говорить буду в Бешанде, – похлопав меня по спине, с обычным для него довольным видом прого-

ворил Рахимов. – Совсем ты здесь распустился, прямо ханом Илль-тады стал, да? Ну ничего, ничего, Иван... Буду тебя воспитывать, чаще в бригаде оставаться будешь, строевой заниматься будешь со своим хулиганьём, уставы изучать... – И, вдруг посерьёзнев, сильно пожал мне руку. – Удачи тебе, сынок. Держись!..

18 мая 199... года, 8 часов 30 минут

Борт МИ-8 Министерства обороны Республики Жатанстан, запись с прослушивающего устройства Министерства безопасности.

– Послушайте, Рахимов, вам не кажется, что Караев начинает выходить из-под контроля? Его чрезмерная самостоятельность начинает кое-кого раздражать.

– У командования бригады никаких претензий к нему нет, Караев грамотный офицер, хорошо разбирается в обстановке, солдаты его уважают...

– Никого кроме него не признают! Я бы так сказал, вы со мной согласны? Наша страна начинает избавляться от таких бандитов, как он и его друзья-уголовники, разные Салимы, Ганкасы, Сайдуллы и прочие отморозки! До меня доходили слухи, как ваш грамотный офицер застрелил троих своих солдат... Да, это не было доказано, как не были доказаны и массовые казни, которые устраивал он и его, как у них говорят, кореша из Народного фронта! И вообще, надо готовить свои кадры, а не делать ставку на русских наёмников и

остальной уголовный сброд!

– Между прочим, этот сброд, как вы сказали, очень уважаемые люди. Позвольте вам напомнить, что Салим Якубов ещё недавно был министром внутренних дел и являлся вашим непосредственным начальником. Да и сейчас он достаточно весомая фигура в республике. Как и остальные деятели Народного фронта. Согласен с вами, к ним очень много вопросов, но тогда шла гражданская война, которая ещё не закончилась, и осуждать их я бы не рискнул. А если говорить непосредственно о майоре Караеве, то повторяю – он грамотный боевой офицер, прекрасно разбирающийся в обстановке и пользующийся безоговорочным доверием солдат! Кроме того, что немаловажно, Караева уважает и местное население за его знание обычаев и Корана.

– Вы хотите сказать, что он незаменимый?

– Да, Гафур Файзуллаевич, в Илль-таде Караев незаменим. Характер у него, конечно, сложный, но дело своё он знает.

– Вы думаете? У меня сложилось совсем другое впечатление – расхлябанный, хамоватый, пьющий с утра наёмник!.. А ведь Караев знал о прибытии руководства, прекрасно знал и тем не менее никак не подготовился. Такое ощущение, что я посетил какую-то банду, а не подразделение Министерства обороны. Вам, Рахимов, было бы невредно посетить расположение нашего спецназа и сравнить, где лучше поставлена служба! Судя по рапортам наших офицеров, ваш хвалё-

ный разведбат вообще непонятно чем занимается!.. В ходе последней...

– Крайней... Последняя ещё далеко!

– Что? Да, прошу прощения. В ходе крайней операции Караев просто саботировал проведение мероприятий, и Гасанову приходилось заставлять его силовыми методами выполнять боевое распоряжение... Я не вижу ничего смешного, Рахимов!

– Послушайте, Гафур Файзуллаевич, неужели вы всерьёз верите рапортам Гасан-боя?! Как он мог заставить Караева и его солдат что-то делать?.. ВАШИ люди в Илль-таде, генерал, выполняют второстепенную роль в любой совместной операции, а по большому счёту только мешают! Речь идёт в первую очередь о капитане Гасанове, который очень любит писать разные сказки в рапортах! Я не знаю, как у него поставлена служба, внешне, может быть, и лучше, но в условиях Илль-тады его служебное рвение не проявляется никак.

– Насколько я понял, Рахимов, с вашей точки зрения, подразделения МВД в Илль-таде не справляются с поставленными задачами?

– Я не знаю, какие задачи ставятся вашим бойцам руководством МВД, но те подразделения, которые работают с нами, оставляют желать лучшего!

– А что, Рахимов, лично вас не устраивает в работе нашего спецназа? Я понимаю, конечно, межведомственная конкуренция, но вы ставите под сомнение правильность проводи-

мой в Илль-таде политики. Активная фаза боевых действий закончилась, армия уже играет вспомогательную роль, а наведением и поддержанием конституционного порядка занимается МВД. Кстати, наша работа была высоко оценена на последнем заседании правительства республики лично президентом. Понимаете, о чём это говорит?

– Не совсем. Но раз уж разговор коснулся мнения руководства, то будем говорить откровенно! Надеюсь, вы не против?

– Я только «за»!

– Хорошо, Гафур Файзуллаевич, тогда ответьте мне на такой вопрос – вы в курсе событий в Чинакаре?

– Конечно...

– Скорее всего, вам известна официальная версия... Точнее, рапорта ваших подчинённых, на основе которых эта версия строилась, согласны со мной? Ну так вот... Согласно официальной версии, благодаря самоотверженности роты спецназа МВД, была блестяще проведена операция по ликвидации бандформирования в окрестностях кишлака Чинакар. Кроме того, был задержан полевой командир Хашим, он же Хашим Дустов, который вскоре был застрелен при попытке к бегству...

– Я это всё прекрасно знаю, Рахимов, что дальше?! Прекрасная и грамотно проведённая операция, командир роты был представлен к награде...

– Многие в Министерстве безопасности и у нас, в развед-

ке, думают, что награждён он был абсолютно зря, поскольку Хашим со своими людьми собирался уходить в Пуштунистан и никакой опасности не представлял. Более того, он должен был встретиться с нашим офицером и сообщить много интересного о торговле героином!

– Я всегда говорил, Рахимов, о необходимости более тесного контакта между армейской разведкой и МВД! Если бы ваши люди ввели руководство спецназа в курс дела, всё было бы иначе. Типичнейший пример нездоровой межведомственной конкуренции!

– Как раз наоборот, ваши были предупреждены о мирных намерениях Дустова и его людей. Более того, капитан Саттаров был полностью информирован о встрече нашего офицера с Хашимом!

– Но это же полный бред!..

– Нет, Гафур Файзуллаевич, к сожалению, это не бред. Начнём с того, что Хашим был в Чинакаре один, поэтому никакой ликвидации бандформирования там не было! Да и как убрали его самого – тоже достаточно мутный вопрос, по нашим данным, его застрелил один из ваших стукачей... Так что там всё не так просто, как кажется!

– Рахимов, а вы не пробовали писать детективы? Честное слово, зря. Из вас получился бы очень неплохой писатель, вроде Чейза или Брауна!

– К сожалению, товарищ генерал, это не детектив! Я рассказал вам всё это с единственной целью – не верьте безого-

ворочно рапортам ваших подчинённых, особенно таким, как Гасанов...

– Это всё ещё нужно доказать! Я не позволю обливать грязью заслуженных сотрудников МВД и советую вам, Рахимов, обдумывать ваши обвинения! Да, да, именно обвинения, которые никто не сможет доказать!

– Всё это может подтвердить и доказать наш офицер, с которым встречался Хашим.

– Ну и кто же это такой? Я его знаю?

– Вы с ним недавно разговаривали в Илль-таде...

3

18 мая 199... года. Илль-тада, пункт временной дислокации второй роты разведывательного батальона первой бригады ВДВ Министерства обороны Республики Жатанстан, 9 часов 45 минут...

– Смирно! Товарищ майор, личный состав второй роты по вашему приказу построен! Командир разведвзвода старший прапорщик Лотов!

– Вольно!

Я смотрел на мальчишек, стоящих в четырёх шагах от меня. Простые дехкане, вырванные из своих кишлаков и ставшие солдатами, многие против своей воли, они не понимали ни смысла, ни целей этой войны. Им было глубоко безразлично, кто будет сидеть в президентском дворце и кто будет контролировать их родные кишлаки, лишь бы дали возможность нормально трудиться и спокойно жить. Это была сырая глина, из которой можно было вылепить как шедевр, так и что-то непотребное, и я старался, по мере возможности, воспитать из них настоящих солдат, мыслящих и грамотных.

– Во-первых, поздравляю молодых бойцов с прибытием в наш батальон! – сказал я, подойдя к стоящим на правом фланге салабонам. Десять лысых, растерянных и худых жатанских пацанов, одетых в форму на размер больше, таращились на меня, как на муллу в своём родном кишлаке.

– Коллектив у нас дружный, «дедовщины» нет, – грозный взгляд в сторону своих сержантов, – трёхразовое питание, свежий воздух, различные спортивные мероприятия. Считайте, что попали на курорт!..

Во-вторых, завтра мы вместе с МВД проводим зачистку кишлака Сангимар. Выезд в четыре часа утра, в казарме остаются старший сержант Дадабоев, рядовой Холов и «молодые». Вопросы?! Нет вопросов? Дальше... Сегодня начался великий пост, ураза, все знаете, да? – По лицам видно, что знают все. Ещё бы, последнее время стало модно выставлять напоказ свою религиозность, абсолютно не зная при этом Корана.

– В Коране сказано... – на лицах нашего молодого пополнения отразилось такое изумление, которого, я думаю, не вызвал бы сам Мухаммед, появись он сейчас перед ними, – пост обязаны соблюдать все мусульмане, кроме находящихся в путешествии, в военном походе и беременных женщин! Здесь нет беременных женщин, зато остальные пункты непосредственно нас касаются. Поэтому приказываю неукоснительно придерживаться правил соблюдения поста, установленных самим Аллахом! Всем ясно?! – Судя по выражению лиц некоторых особо одарённых, ясно было не всем. – Объясню более понятно, кто будет соблюдать пост, тот лично от меня получит в морду! Касается абсолютно всех, и тех, кто выезжает, и тех, кто остаётся... Дадабоев, всё усвоил?

– Так точно, товарищ майор!

– Ты вместе с Холовым – ко мне на беседу, остальные готовятся к выезду! Разойдись!

– ...Значит так, Икром, – обратился я к единственному контрактнику старшему сержанту Дадабоеву, когда мы расположились в «курятнике», – на время моего отсутствия остаёшься за командира. Вы с Холовым люди опытные, поэтому буду краток. Продукты привезены, значит, в кишлаке не беспредельничать! Особенно это касается товарища Холова...

– Так я ж только когда есть нечего было, – пробурчал наш главный специалист по угону домашнего скота, – для всех старался!

– Знаю, что для всех, потому и ценю твои воровские способности! – На круглом лице солдата появилась хитрая довольная улыбка. – Но пока меня и прапорщика Лотова не будет, в кишлаке не отсвечивать! Ясно?! – Улыбка тут же пропала...

– Далее... «Молодых» нам прислали прямо из военкомата, как обычно, они даже курс молодого бойца не прошли! Ваша задача – начать их обучение, особое внимание уделить стрельбам и физподготовке! Кормить их хорошо, вспомните себя, такие же в батальон пришли – худые, лысые и перепуганные! Не наглеть, поняли меня?!

– Обижаете, командир, такого «неуставняка», как раньше, у нас давно нет, сами знаете, – с обидой в голосе проговорил Дадабоев. – «Молодые» в батальоне лучше всех живут, вся

бригада знает!

– Как на курорте, – вставил Холов, почесав свою почти седую (в двадцать лет!) шишковатую голову. – В бригаде наших «дедов» слышали, как называют?! Няньки, во!

– Не вижу ничего плохого в слове «нянька», – тут я почему-то представил, как мои бойцы в старинных крестьянских платьях и кокошниках присматривают за салажатами. – Хорошее доброе слово! У Пушкина была няня, Арина Родионовна, так её весь мир знает. А вдруг из этих пацанят тоже кто-то станет великим поэтом и вы с Дадабоевым вмиг прославитесь за счёт его стихов, а, Холов? Как тебе перспективка? – со смехом закончил я рассуждения о няньках. На загорелых лицах солдат тоже замелькала улыбка.

– Ну всё, посмеялись, теперь к делу. Караульная служба после нашего отъезда должна быть поставлена не просто хорошо, а превосходно! Когда один из вас спит, другой бодрствует, и так пока мы не вернёмся, ясно? Ни на секунду салаг не оставлять одних, особенно ночью, караул усиленный, один из вас и двое салаг. На постах не спать, – я в упор посмотрел на Холова, который был любителем «давить на массу», – если не хотите раньше времени встретиться с архангелом Азраилом! Понятно?

– Понятно, командир, только почему нас не берёте на зачистку? – угрюмо спросил Дадабоев. – Чем мы хуже остальных?

Такого вопроса я и ожидал, это были одни из самых опыт-

ных моих солдат, хорошо обстрелянных и отлично знавших местность, особенно Дадабоев, родившийся в Илль-таде. Однако именно поэтому они и оставались...

– Я понимаю тебя, Икром, вы с Саидом одни из лучших солдат батальона... В случае чего, – не люблю это словосочетание! – только вы сможете вывести в безопасное место десять бестолковых салаг! Теперь врубилась, почему?!

Я начинал злиться – на солдат, которым нужно было объяснять, почему так, а не иначе; на командование, присылающее неподготовленных пацанов на войну; на себя, торчащего в этой несчастной стране; на тварей, разваливших СССР и лишивших миллионы людей их родины; на ваххабитов, на правительство, на всё! И в первую очередь – на нехорошее предчувствие, преследовавшее меня второй день. Это было чертовски знакомое мне состояние провала, так было в прошлом году, когда за один день батальон потерял больше половины личного состава, так было ещё несколько раз, и никогда эти предчувствия меня не обманывали. Подсознание предупреждало о грядущих неприятностях, не пытаясь даже подсказать, как этих неприятностей избежать, если не вообще, то хотя бы частично. Или я не видел этих подсказок, не знаю; только в конечном итоге масса разных «не знаю» и «может быть» начинали сильно раздражать. Поэтому я и сорвал своё зло на этих парнях, задающих нужные, но абсолютно несвоевременные вопросы...

– Чересчур много текста, индейцы! Совсем оборзели? По-

лучили приказ и улетели исполнять! Всё, стёрлись отсюда!

Когда помещение освободилось от моих любознательных подчинённых, в него практически мгновенно просочился Гасанов, судя по выражению лица жаждавший продолжения банкета. Появился он очень даже своевременно, поскольку нужно было уточнить кое-какие детали нашего сотрудничества. Да и попытаться разузнать, чем мы обязаны визиту одного из «тузов» МВД, тоже не помешает.

– Ну что, Гасан-бой, как самочувствие? – начал я с дежурной фразы. – Что б ты делал без Ивана Григорьевича, а?

Гасан-бой с довольным видом приземлился на пустой ящик из-под патронов, вытащил из кармана «разгрузки» бутылку чего-то явно сорокаградусного и водрузил её на лежащие передо мною карты местности.

– Слушай, друг мой, – сказал я, убрав бутылку в сторону, – может, сначала обсудим делишки наши скорбные? Или как?..

– Может, сначала выпьем, а то после разговора с генералом как-то не по себе...

– Что такое, Гасан? Дыхнул на него не вовремя? – ухмыльнулся я, разливая жидкость по кружкам. – Так это мелочи, он в Бешанде, ты здесь! Замы у вашего министра меняются как перчатки, сегодня он генерал – завтра лох базарный, в лучшем случае! Ну, давай за удачу... Поэтому не переживай, паровозы меняются – вагоны, то есть мы с тобой, остаются! Гасанов скривился от выпитого (понятно, не «Мартель»

пьёшь!) и помотал головой.

– Всё правильно говоришь, только надоело мне по горам скакать, пора в столицу перебираться. Давно уже обещают место начальника штаба, а назначение зависит от Гафура Файзуллаевича, – даже сейчас Гасанов говорил о начальстве с лёгким оттенком подобострастия, мало ли как сложится обстановка. – А он последнее время мной не доволен, – в голосе прозвучала искренняя обида. Да, видно, товарищ генерал отымел Гасан-боя по полной программе, давненько я не видел его таким подавленным.

– Ты, брат, закусываешь мало, а пьёшь много, – снова забулькало в кружках, – как же начальство будет тобой доволь-но? Совмещать надо эти вещи, учишь у Семёныча, – я влил в себя новую порцию гасановской отравы. – А если честно, уважаемый, многовато бухаешь последнее время. А водка, Гасанчик, – сказал я, постучав пальцем по бутылке, – жидкость непредсказуемая и своенравная. Понимаешь, о чём я?.. – И, наклонившись к Гасану, негромко добавил: – Нико-му не советую топить свой страх в алкоголе, можно утонуть!

В глазах Гасанова, на какой-то миг, мелькнула тень расте-рянности, он несколько стушевался, но, быстро взяв себя в руки, закурил и развязно протянул:

– Э-э, Шурави, кто боится, ты о чём? Все пьют, и я пью; сам говоришь, тут без водки дураком можно стать...

– А много бухла сделает из тебя дебила, – прервал я ти-раду уже начинавшего косеть Гасанова. – Посмотри на се-

бя, опускаться начинаешь, Гасан! Камуфляж грязный, засаленный, сам какой-то мятый, мутный, постоянный перегар, – меня давно подмывало всё это ему высказать, не было подходящего случая, теперь он представился, – а ведь бойцы с тебя берут пример! И что же они видят? Грязное, небритое, бухое тело в форме!

– Следи за своим базаром, Шурави! – злобно ощерился Гасан-бой. – Генерал меня учит, ты учишь, я вам кто, алкаш законченный, что ли?! Кто ты такой, чтобы мне лекции читать, а? На себя посмотри...

– О-о-о, успокойся, друг мой! – Я похлопал разошедшего Гасанова по плечу. – Критику, брат, нужно воспринимать правильно, прислушиваться к сказанному начальством и друзьями... Мы же друзья, или нет? – Он нехотя кивнул. – Вот, видишь, поэтому не обижайся! – С этими словами я протянул ему руку. – Мир, Гасан?..

– Мир, – буркнул тот, вяло ответив на рукопожатие.

– Теперь о деле... Выезжаем в четыре утра, по приезде ты со своими орлами проводишь обыск в мечети и в доме муллы... Что опять не так?!

Судя по недовольному выражению лица Гасан-боя, поставленная мною задача явно не входила в его планы. Ко всем своим недостаткам, мой, так сказать, подельник был крайне суеверен, хотя всячески пытался это скрывать. Он очень боялся навлечь на себя гнев небесных сил и поэтому старался не связываться с полномочными представителями

Аллаха на земле во избежание разного рода неприятностей, вроде проклятия и сглаза.

Я всё это знал, но другого выхода не было – не следовало немусульманину без крайней необходимости озлоблять местное население святотатством, а именно так был бы воспринят проводимый мной шмон в мечети. А посему со служителями культа будет общаться правоверный мусульманин Гасан-бой, что и было ему доходчиво объяснено. Но была и ещё одна причина, по которой я не хотел лезть в это дело, – отсутствие конкретной информации. Не было никаких данных об активизации ваххабитов в зоне ответственности нашей бригады, и вдруг какой-то склад с оружием и литературой, да ещё и в Сардачоре, где «духи» никогда не пользовались особой поддержкой! Странновато... Да, продажей героина уже начали промышлять многие из местных, и в ходе зачистки я надеялся изъять немало «порошка», да и оружия, время-то беспокойное, но по порожней наводке шерстить мечеть не следует, во всяком случае мне.

– И ещё, Гасан, относительно твоих бойцов, – после основного инструктажа я перешёл к самому наболевшему вопросу. – Предупреди всех, кто будет пойман на мародёрстве – лично пристрелю! Если не в состоянии с уродами справиться – помогу, чем могу; но советую самому провести разъяснительную работу. Мне уже надоели козлы, обирающие своих же земляков... Подожди! – жестом остановил я порывавшегося высказаться Гасан-боя. – Вы ведёте себя как

оккупационная армия! Грабите, насилуете, и кого?! Простых дехкан и их семьи, таких же мусульман! Как вы хотите прийти к миру, если друг друга за людей не считаете и глушите со всей пролетарской ненавистью?

Я уже не раз поднимал этот вопрос, даже писал несколько рапортов руководству МВД республики, но особых результатов это не дало. Такое ощущение, что весь беспредел творился с ведома и одобрения высокого начальства, иначе довольно сложно объяснить отсутствие мер по наведению порядка.

– А ты сам, Шурави, лучше, что ли?! – окрысился спецназовец. – Не корчи из себя святого, все знают, как тебя называют в кишлаках!..

– И как же меня называют твои единоверцы? – с интересом спросил я вскочившего Гасан-боя.

Ответ мне был известен заранее, но хотелось услышать его от моего «друга», в чьих потных губах извивались эмбрионы грязных жатанских ругательств. Сейчас он был даже не самим собой, не кишлачным парнем Гасаном, которого гражданская война сделала непонятно кем, то ли бандитом, то ли офицером; передо мной стояло живое воплощение негативной стороны слияния русской и жатанской культур: алкоголь и ислам, интернационализм и клановое сознание, Конституция и шариат... Всё это уродливо вспенилось в грязном котле восточной независимости, деформируя умы и души людей, для которых уже ничего не значили слова «со-

весть», «честь», «доброта», «благородство»!

– Ты что сегодня такой нервный, Гасан, месячные начались? – я выпустил в закопчённый потолок «курытника» плотный столб сигаретного дыма. – Ты смотри, какие мы последнее время чувствительные! Слова нам не скажи, сразу материться начинаем, в драку кидаемся... Гасан-бой, прекращай это! Лучше скажи, по твою душу такое стадо прилетало? – Мне всегда нравилось наблюдать за реакцией Гасанова на резкую смену темы разговора. Несколько секунд полной дезориентации, граничащей (в зависимости от количества выпитого) с коллапсом сознания, и постепенное возвращение к осмысленному бытию. Такой процесс сам по себе напоминал всплытие подводной лодки с большой глубины, причём очень старой и ржавой лодки с пьяным экипажем на борту. Иногда мне даже казалось, что я слышу потрескивание черепной коробки Гасан-боя, распираемой работающим на предельном ресурсе мозгом.

– Можешь не отвечать, сам знаю, что по твою... Сто процентов ваше руководство в курсе всех твоих движений, потому и прилетело тебя драть, как кота помойного! А тут их встречает похмельный Гасанчик и сам напрашивается на крупное вливание, что товарищ генерал ему и организовал. А уж если из самой Бешанды прилетают люди наставлять тебя на путь истинный, то не видать тебе перевода никогда! Я так думаю, и скажи, что я не прав... Прав на все сто!

– Э-э, Ваня, ты откуда знаешь, зачем генерал приезжал? –

Гасанов присел на ящик и с самодовольным видом закурил. – Кто тебе сказал, что меня драть прилетали, а? Я на очень хорошем счету в министерстве, чтобы ты знал! Гафур Файзуллаевич выразил мне благодарность от лица министра, сказал, молодец Гасанов, к медали тебя представим, – то ли от дыма, то ли от открывавшихся блистательных перспектив Гасан-бой мечтательно прищурился и несколько секунд внимательно наблюдал за огоньком сигареты. – Так что, брат, это моя крайняя операция в Илль-таде...

– Да ну? Пять минут назад ты плакался, как начальство тебя не любит и не ценит! Быстро что-то у тебя всё меняется, нет?

Гасан-бой посмотрел на меня с нескрываемым пренебрежением, как пастух на нерадивого и тупого барана.

– Генерал сказал: «Гасанов, всё сделаешь правильно, будешь служить в столице, как я и обещал, но только после того...» – наконец до Гасан-боя дошло, что он начал много болтать, и мой «друг» мгновенно осёкся. – Ладно, Ваня, благодарю за гостеприимство, надо ехать готовиться. До завтра!

– В половине четвёртого утра вы здесь, финальный инструктаж, и поехали. Не опаздывать!

– Так точно, товарищ майор, – шутовски вытянулся Гасанов, – разрешите идти?

– Вали отсюда, клоун...

Мы попрощались, и Гасан-бой укатил к себе. Я стоял, облокотившись о дверь «курытника», смотрел на БТР, быстро

тающий в клубах пыли, и думал об очередной «поганке», готовившейся за моей спиной. Что же этот алкаш должен сделать, откуда в нём такая уверенность, что это его крайняя операция в Иль-таде?

Насколько я слышал, Гасан никогда не был на хорошем счету в МВД – во-первых, он не блистал особым умом, во-вторых, любил выпить, что для мусульманина, в общем-то, абсолютно неприемлемо, в-третьих, был болтлив, и, наконец, в-четвёртых, очень любил приукрасить свои рапорта, из-за чего уже имел неприятности. И вот этому собранию пороков один из тузов МВД обещает повышение, «но только после того...».

Сколько я его знаю, Гасан-бой всегда был на подхвате, самостоятельных решений не принимал, да и ответственности побаивался, поэтому поручать ему что-то серьёзное я бы, например, не рискнул. А вот какую-нибудь разовую несложную гадость... Вполне может быть. Осталось выяснить, какую именно, где и как. В любом случае, я уже был морально готов к разного рода гнусностям со стороны моего дражайшего союзника, а это уже большое дело. В конце концов, бывало и хуже, так что прорвёмся.

– О чём задумался, детина? – хлопнув меня по плечу, спросил неслышно подошедший Семёныч. – С нашим пьяницей все вопросы утряс по завтрашней зачистке?

– Основные – все, мелочи доведу утром... Как там наша техника?

– Слава Аллаху и механикам, всё в порядке. Ехать можно хоть сейчас, было бы куда... Бойцы экипированы и рвутся в дело, просто землю копытом роют. Народ распирает энтузиазм и понимание текущего момента, – улыбнулся Семёныч, поглядывая в сторону «казармы», где прямо-таки бурлила жизнь. – Хорошие у нас ребята, в других батальонах, как посмотришь, скопище дебилов и отморозков...

– А здесь филиал Академии наук, – перебил я, – собрание гениев, гуманистов и просто культурных людей!

Буквально тут же раздался хороший добротный русский мат в исполнении одного из сержантов, наставлявшего «чурку тупорылую» обращению с КПВТ.

– Курбанов! – рыкнул Семёныч.

– Я, товарищ прапорщик! – высунулось из люка БТРа загорелое чумазное лицо.

– Чурку ты в зеркале видишь, когда бреешься, понял?!

– Так тут...

– Я спрашиваю, понял или нет, сержант?!

– Понял, товарищ прапорщик, – под дружный хохот солдат нехотя проговорил Курбанов, скрываясь в машине.

– Да, Ваня, ты прав, с культурой есть проблемы, но мы работаем в этом направлении, – стараясь подавить смех, признал Дед. – Ладно, это всё лирика, пойдём о насущном покалякаем.

Мы двинулись в сторону живописной группы вишнёвых деревьев, растущих около забора, окружающего нашу, с поз-

воления сказать, воинскую часть.

– Семёныч, а ты заметил, какая сегодня изумительная погода? Хорошо бы в горы пойти...

– Ну, так завтра и пойдём.

– Да нет, ты не понял, – мечтательно проговорил я, всматриваясь в окружавший нас пейзаж. – Как раньше, до войны, представляешь, а? Девочки, шашлык, палатка, речка журчит...

– Всё как здесь, Ваня, – ехидно вклинился в мои рассуждения Дед, – только девочек нет, хотя при желании можно найти, шашлык сейчас будет, на речку сходим, по горам пошастаем... Последнее, правда, только завтра.

– Никакой в тебе поэзии нет, Семёныч, одна проза. Даже помечтать не дашь, сразу давишь суровой реальностью. Ты посмотри, какая красота вокруг, здесь надо писать стихи, любить женщин, воспитывать детей, вести философские беседы о смысле жизни и предназначении человека!..

– Не всем быть поэтами, надо и о реальности помыслить, – прервал мои излияния Дед, закуривая свою любимую «Приму», – а посему вернёмся к нашим баранам. Сначала скажи, что вообще думаешь на тему ваххабитской деятельности в Сардачоре?

– Туфта! Никогда там «вовчиков» не поддерживали, и вдруг какой-то склад с литературой, оружием, и где? В мечети у Саида-ака, одного из самых лояльных к нам мулл!

– Согласен, но ты сам сказал – лояльного к нам, – внима-

тельно посмотрел на меня Дед, – не к правительственным войскам, а лично к нам, правильно?

– Семёныч, что-то я тебя не пойму, ты загадки загадывать будешь, или как? Ежу понятно, что правительство здесь все видали в гробу вместе с его армией беспредельщиков! Да, нас в кишлаках более-менее уважают... – Я пару секунд помолчал, наблюдая за ящерицей, греющейся на солнце. – И боятся тоже, без этого нельзя! Всё должно находиться в равновесии, и уважение, и страх...

– Всё верно, командир, всё верно, – задумчиво покачал головой Дед, – только последнее время насчёт уважения туговато, многие думают, что Хашима ты подставил, ну и сам понимаешь, что, где и как... – Несколько мгновений я слышал только слабое шуршание листвы, сопровождаемое стрёкотом цикад и шумом в моей голове, вызванном общением с высоким начальством и возлияниями с Гасан-боем.

– Я подробностей, Ваня, не знаю, в отпуске тогда был.

– Да, Михаил Семёнович, тебя тогда не было. К сожалению!

– Сам ты особо не распространялся, – тяжёлый взгляд в мою сторону, – а говорят всякое! Не знал бы тебя... Э-эх, да что там говорить, – Дед махнул своей гигантской пятернёй. – Подставили тебя, как пацана! Хорошо, хоть жив остался, и то ладно...

4

15 марта 199... года, за один год и два месяца до этого...

Был дождливый мартовский день, обычный для этих мест.

Окрестные горы окутаны паранджой низких облаков, стелющихся над землёй. В канавах, оставшихся после недавно прошедшего селя, ещё текли потоки грязной воды, впадавшие в разлившийся Гардж, гневно бурливший в низине. Кривые улочки кишлака превратились в глиняное месиво, пригодное только для бронетехники да ещё, пожалуй, для маленьких упрямых ишаков, бывших для дехкан основным средством передвижения. Кишлак визуально просто вымер, даже собачьего лая не слышно, сильный ливень зачистил все звуки и краски умиротворяющей жатанской природы. Казалось, само небо оплакивает это сказочное по своей красоте ущелье, обильно и регулярно орошаемое кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.